

Гомера и его указаний на различные греческие племена, населявшие Грецию еще в глубокой древности, фон Вендрин не остановился перед еще более решительными мерами. Автора знаменитых поэм «Илиада» и «Одиссея» он объявляет... евреем! Таков путь фашистской науки.

Сознательное игнорирование связей различных племен и народов, как предпосылки к подъему и развитию; возводимое в принцип игнорирование процесса создания в истории интернационального и общечеловеческого; культ «чистой нации» и автаркической культуры в истории наряду с отрицанием положительной роли смешения и взаимодействия различных цивилизаций; наконец, применение во всем этом антиисторическом подходе метода прямой фальсификации источников—вот суть фашистского похода против исторической науки.

Маркс и Энгельс в своих произведениях давно выступали против малейших проявлений антиисторических тенденций в буржуазной науке. Известно, что Маркс и Энгельс, изучая развитие высоких культур Греции и Рима, выводили происхождение их из обычных родовых институтов, через которые прошли все народы. «Сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, ирокез)»,—замечает Маркс. В изучении Афинского и Римского государств в древности Энгельс прослеживает рудименты родовой организации, исторический процесс распада рода, возникновения собственности и государства. Формирование же государства у германцев Энгельс прямо связывает с падением рабовладельческого Рима, с синтезом культуры римлян и варварства германцев. «Омолодили Европу,—говорит Энгельс,—не их (германцев—А. М.) специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй» («Происхождение семьи», стр. 205, изд. 1937 г.). Происхождение феодализма, феодальных государств Европы идет от того взаимодействия, которое происходит между распавшимся строем рабовладельчества в Риме и общинным строем различных, в том числе и германских, варваров. «Этим,—говорит Энгельс,—объясняется все» (там же, стр. 207). Такое изучение своеобразия исторической обстановки, взаимного влияния друг на друга различных по своему уровню народов, их социального строя, взаимодействия их культур характеризует и с т о р и ч е с к и й м е т о д Маркса—Энгельса. Этот метод противостоит всяким антиисторическим подходам к рассмотрению развития того или иного народа с точки зрения замкнутых рамок и предопределенности изучаемого политического организма прирожденными свойствами, вроде «гения», «народного духа», физикобиологических «особенностей»—формы черепа или чистоты крови. Из факторов исторического развития основоположники марксизма только один фактор клали в основу изучения: данный способ производства, социальный строй, внутренние закономерности его, т. е. социально-экономическую структуру общества. Но придавая исключительное значение внутренней структуре, Маркс и Энгельс никогда не отгораживали ее от внешнего мира, от исторической среды, от различных внешнеисторических влияний других по своей структуре обществ. Наоборот, они признавали за этим влиянием большое, иногда и решающее значение. Это касается в особенности древних обществ, неразвитых экономически и потому более легко поддававшихся постороннему воздействию, в частности при войнах, завоеваниях, переселениях народов и т. п. Известно, какое с о ц и а л ь н о е значение имела в древности война, приводившая к крушению старых цивилизаций, образованию новых, изменению и социального строя народов.

«При всех завоеваниях,—говорит Маркс,—возможен тройкий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (напр. англичане... в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (напр. турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)» (К. Маркс—К критике политической экономии, 1930, стр.66). Таким образом, исторический результат таких столкновений народов может быть самым различным. Это определяется, главным образом, данной конкретной обстановкой и в особенности различием социального строя этих народов. Особый интерес для исследователя-марксиста представляет то «взаимодействие, из которого возникает новое, синтез». К такого рода взаимодействиям, как известно, привели вторжения кельтов и германцев в Западноримскую империю в тот период ее существования, когда рабовладельческая основа всей социальной жизни империи уже распадалась. То новое, или синтез, который получался в результате столкновения народов при различном уровне их экономических условий,—это было возникновение феодальной системы и на ее основе новых галло-германских государств.

К таким же взаимодействиям должен относиться и факт нашествия, главным образом славян, но также и других народов (персов, позднее турок) в пределы Восточноримской империи, в зависимости от чего оказалась вся дальнейшая судьба империи. Образование Византии, причем также на новой социально-экономической основе феодализма, но с большим, чем на Западе, количеством рудиментов социального быта прошлого, ставит перед нами проблему нового, «синтеза», исторического взаимодействия римских (античных) и варварских (общинных) отношений.

*

Данная проблема в исторической науке приобретает актуальное значение еще и потому, что она вскрывает перед нами все своеобразие революционного момента перехода от рабовладельчества к феодализму, от Восточноримской империи к Византии.

Старая буржуазная наука в лучших своих произведениях отражала влечение к изучению тех периодов в истории, которые дают нам картину уже стабилизовавшихся обществ, с их установившимся бытом и культурой, т. е. периода их расцвета. В частности, антиковедение фиксировало свое внимание преимущественно на изучении классического периода в Греции или конца римской республики и так наз. «золотого века» Августа. Переходные же эпохи от античной цивилизации к феодализму освещались явно недостаточно. А между тем, правильный исторический подход требует изучения общественного явления в его возникновении, развитии и уничтожении. Вся динамика исторического процесса может предстать перед нами только тогда, если удастся вскрыть закономерности не только расцвета «классических» Греции и Рима, но и их неизбежного распада. Только путем такого изучения историк в состоянии будет создать для себя и правильную историческую перспективу, т. е. осмыслить каждое историческое явление, найти ему место в потоке всемирно-исторического процесса. Известно, что конкретно-научно подойти к каждому общественному строю и каждому общественному движению в истории возможно ведь только «с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны». «Понятно, что без такого исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование

и развитие науки об истории» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 104—105).

Вышедший «Курс истории ВКП(б)» учит нас, историков, что «только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груды нелепейших ошибок» (стр. 105).

В настоящей статье перед нами задача—обратить внимание на одну из проблем того переходного периода, с которым связано падение Римской империи, судьбы ее на Востоке, поскольку об этом позволяют нам судить тексты ранневизантийских писателей по данному вопросу. Обзор ранневизантийских источников о славянах в нашем плане как раз и подчиняется проблеме о роли славянских вторжений и характере переходного периода Восточноримской империи, уступившей место новому экономическому и политическому явлению конца VI в., именно: образованию Византии.

Известно, что падение античной цивилизации связывалось обычно в буржуазной литературе с вторжением германских начал (школа германистов) или с перерождением империи на собственно римской основе (школа романистов). Борьба этих школ отражала собою период консолидации национально-капиталистических государств в Западной Европе, стремление доказать приоритет культурного влияния—германского или романского—на той или иной территории. Историческая наука становилась на службу буржуазной Европы половины XIX в. и в этом вопросе.

Еще Энгельс разрушил такую концепцию падения Римской империи и рабовладельческого строя в целом. Он указал при этом как на значение возникновения к л о н а т а, этой переходной, полуфеодальной формы труда, так и на значение вторжений германских варваров, принесших с собою общинно-родовые отношения.

Товарищ Сталин развил дальше этот тезис и внес новое в изучение судьбы Западноримской империи. Указывая на то, как германские варвары «с громом опрокинули Рим», товарищ Сталин вместе с тем говорит и о «революции рабов, ликвидировавшей рабовладельцев и отменившей рабовладельческий способ эксплуатации трудящихся». Таким образом, вторжения варваров и революция рабов представляли собой единый процесс, объединение сил внешних и внутренних против Рима. Товарищ Сталин не отделяет, а, наоборот, объединяет явления внешние и внутренние в один процесс революционного распада Римской империи.

Эти указания классиков марксизма-ленинизма являются в работе античников руководящими установками, дающими историку возможность правильно разобраться во всем обилии материала, который имеется по истории Римской империи и ее падения.

Если судьба Западноримской империи с этой точки зрения начала уже разрабатываться, то несколько иначе обстоит дело с Восточноримской империей. Ее история обычно обрывается на эпохе Константина, иногда доводится до Феодосия и почти никогда не доводится до Юстиниана, несмотря на внешний блеск его эпохи и попытки реставрации староримской мощи и владычества.

Среди историков нет единодушия в вопросе о судьбе этой части Римской империи. Как проходил процесс распада античной цивилизации на Востоке, как здесь складывались приходившие на смену ее феодальные отношения, какие внешние и внутренние явления сопутствовали распаду Восточноримской империи и образованию Византии—этого нового политического образования, оказавшего столь исключительное влияние на культуру

народов Восточной Европы,—на это правильного ответа ни историки античности, ни историки раннего средневековья до сих пор еще не дают. Именно результатом этого является тот факт, что историки не знают, когда начинать историю Византии, и поэтому по-разному принимают датировку начала образования этого государства.

Совершенно очевидно, что изучение этой проблемы не стояло на должной высоте потому, что при изучении распада Восточноримской империи и начала Византии не было поставлено исследование деформации общественного строя империи на Востоке в связи со вторжениями народов Восточной Европы, особенно славян, принесших с собою общинные отношения в распадавшийся строй рабовладельческого общества. А подход именно с этой стороны наиболее интересен. Он проведен Энгельсом на примере изучения распада империи на Западе в связи со вторжениями германцев. При таком подходе к интересующей нас проблеме приобретают особое значение свидетельства ранневизантийских писателей о древних славянах, об их борьбе и походах против Восточноримской империи.

К постановке этой проблемы следует еще заметить следующее. Роль народов Восточной Европы, в частности, именно славян, как в русской, так и иностранной литературе нельзя признать достаточно разработанной. Еще Ламанский в своей книге «Об изучении греко-славянского мира в Европе» (СПБ, 1871) указывал на прогерманскую трактовку вопроса об исторической роли славян. Вытекающее из этой прогерманской трактовки игнорирование славян, принижение их наблюдалось в русской буржуазной литературе. А в настоящее время германские фашисты и их агенты в лице буржуазных националистов поносят славян, как низшую расу. Товарищ Сталин на XVII партсъезде вскрыл политическую основу того, почему «фашисты третируют славян». Поэтому отпор фашистским «историкам» должен быть дан путем вскрытия подлинной исторической роли древних славян, изучения их значения в падении Восточноримской империи. Кстати сказать, старогерманская наука не страдала таким третированием славянства и в лице некоторых своих важнейших представителей, как, например, Фальмерайер, устанавливала большую роль славянских народов в образовании Византии и ее культуры. Поэтому современные фашистские фальсификации насчет славян можно разоблачить путем привлечения не только источников, но и соответствующих ссылок на работы старых немецких же ученых.

Для изучения проблемы древних славян основными источниками нашими и до сих пор являются ранневизантийские историки: Прокопий, Агафий, Менандр Протиктор, Феофилакт, Маврикий, Феофан. Кроме этих источников, собственно византийских, в изучении ранних сведений о славянах для нас имеют значение и сирийские данные (Евагрий, Иоанн Сирийский и др.), а также и свидетельства историков церкви. Для истории древних славян должен быть учтен готский историк VI в. Иордан, свидетельство которого касается ранней истории древних славян.

Указанные источники дают нам наиболее ранние сведения о славянах, т. е. периода VI—VII вв., непосредственно нас интересующего. Иордан выделяется тем, что он о древних славянах повествует даже для периода IV—V в. н. э., что особенно для нас ценно. Поэтому дадим кратко характеристику этих источников, начиная с Иордана.

Иордан был готским епископом, жившим в VI в. и написавшим во второй его половине два исторических сочинения: «О готах» («De rebus Gothicis») и «Краткую хронику мира» («De breviatione chroniconum»). Главное из этих произведений, дошедшее до нас полностью, — «О готах». Как уже было замечено, ценность этого произведения весьма значительна: оно дает первую систематизированную попытку изложения истории готлов, и, вместе с тем, автор в процессе изложения делает ряд экскурсов в историю древних славян. Значение этого источника еще повышается потому, что Иордан в этом произведении использовал не дошедшие до нас сочинения Кассиодора, особенно его «Хронику» (Chronica). Кассиодор происходил из знатной римской фамилии, занимал важные государственные должности при Одоакре, потом при Теодорихе и его наследниках — Аталарихе и Витигесе. Располагая государственными материалами, а также архивами и книгами, которые ему были доступны, как должностному лицу, Кассиодор, несомненно, для своей «Хроники» использовал весьма ценные с исторической точки зрения данные. Невознаградимая утрата этого произведения в некоторой степени смягчается тем, что оно так или иначе нашло свое отражение в трактате Иордана «О готах». В этом трактате для нас интересны замечания автора о славянах периода Германариха, о районе обитания славян, о взаимоотношениях славян (антов) и готлов.

Прокопий дал ряд произведений, из которых основным является «De bello Gothico». По общему признанию, он первый сообщает более подробные сведения о славянах, причем под их собственным именем, в связи с их большими походами на Византию.

Прокопий писал, как и Иордан, во второй половине VI в. Но Прокопий был ближе ко всем восточным делам, он был секретарем Велизария — полководца Юстиниана, сопровождал этого полководца в походах и располагал большим количеством самых различных — государственных, военных, географических и этнографических — знаний. Свое изложение событий Прокопий старается построить по старым и любимым им образцам — Геродоту, Фукидиду и Полибию. Обычно любят сопоставлять Прокопия с Полибием. И тот и другой стояли на грани поворотных эпох, Полибий — на грани перехода от греческой эпохи к римской, второй — на грани перехода Восточноримской империи в византийское средневековье. И тот и другой являлись спутниками и советниками полководцев. Напрасно некоторые характеризуют автора «De bello Gothico» придворным историком Юстиниана. Всякий ознакомившийся с другим его произведением «Anecdota», видит, что Прокопий выступил прямо с обличением деспотического правления Юстиниана и Феодоры. Панегирически написанным им произведением можно считать, главным образом, его «De aedificiis», в остальном же Прокопий старается быть строгим и объективным в изложении событий.

Для истории древних славян важна третья часть его «De bello Gothico», причем последние ее книги. Отдельные сведения о славянах имеются и в «Anecdota» и в «De aedificiis».

Агафий по праву может считаться продолжателем Прокопия. Он жил также в VI в., и его литературная карьера была весьма своеобразной. Сначала он получил юридическое образование в Александрии, потом в Константинополе и поэтому подвизался, главным образом, как адвокат, за что и получил прозвище «схоластика». Раньше он писал только поэтические произведения и лишь после смерти Юстиниана принялся за исторические. Риторика, унаследованная от своего отца (ритора), поэтиче-

ская склонность и фантазия застилают у Агафия объективность изложения, остроту исторического взгляда на события. Это надо иметь в виду при чтении дошедшей до нас «Περὶ τῆς Ἰουστινιάνου βασιλείας» («О царствовании Юстиниана»). В этом описании автор пользовался, главным образом, показаниями очевидцев, может быть, сам лично наблюдал описываемые события, и по истории славян его небольшие экскурсы ценны тем, что они—результат событий, свидетелем которых был сам автор.

Менандр Протиктор явился продолжателем Агафия, сделавшись также из юриста историком. «История» Менандра примыкала непосредственно к Агафию и охватывала события 558—582 гг.; хотя это произведение дошло до нас только в отрывках у Свиды и в константинопольских фрагментах, тем не менее оно для нас особенно ценно как раз сведениями о древних славянах, поскольку эти фрагменты касаются, главным образом, истории столкновения славян с Восточно-римской империей. Менандр, как и другие историки его эпохи—Прокопий, Агафий,—служит источником для составления хроник и истории у сирийских историков, на которых мы не будем останавливаться в рамках настоящей статьи.

Феофилакт Симокатта жил в первой половине VII в., был секретарем императора Ираклия (610—641 гг.), занимался сначала легкими литературными произведениями, как и Агафий, и только потом принялся писать большое и серьезное историческое повествование—«Истории» (Ἱστορίαι), в восьми книгах. Этот последний труд хотя и писался в начале VII в., но целиком посвящен изложению событий конца VI в., правлению императора Маврикия (582—602 гг.). Если Прокопий, Агафий, Менандр писали свои произведения под непосредственным впечатлением событий, то Феофилакт должен был пользоваться всякого рода выписками из хроник, из произведений VI в., главным образом, Менандра и Иоанна Епифанца и др. Недостаток «Историй» Феофилакта заключается в том, что у него преобладает не всегда критическое и необъективное изложение, притом с склонностью к манерности, к искусственным аллегориям, словом, к риторике. О древних славянах, об их походах в Восточно-римскую империю этот автор дает много материала, сообщает нам имена славянских князей и некоторые данные из внутренней жизни славян. То, что Феофилакт отождествляет готов со славянами, обращает на себя внимание в связи с таким же отождествлением славян со скифами у Филосторгия или скифов и аваров у Евагрия. Повидимому, скифы, как и геты, представляли собою собирательное имя самых различных племен.

Маврикий, или Псевдо-Маврикий, известен нам произведением, которое до сих пор не было в большом ходу у византийцев, именно—«Стратегикон». Во всяком случае еще Штриттер не имел в поле своего зрения этого «Стратегикона» Маврикия и не выписал из него сведений, касающихся древних славян. Крумбахер в своем обзоре византийских источников тоже обходит «Стратегикон». Несомненно, что репутации этого источника вредит неисследованность его происхождения. Но в настоящее время стали склоняться относить «Стратегикон» если не к самому императору Маврикию, то во всяком случае к его эпохе. В этом источнике описываются наиболее характерные военные эпизоды борьбы Восточно-римской империи с варварами, в частности, и со славянами, описание быта которых особенно нас привлекает к этому источнику. Наиболее обстоятельно старается использовать Маврикия Ф. Успенский в своей «Истории Византийской империи».

Феофан был хронистом, жившим уже в VIII в. и написавшим «Хроνογραφία» от эпохи Диоклетиана, которая была продолжением труда его друга Георгия Синкелла. Вероятно, Феофан использовал литературные источники, имевшиеся, главным образом, у его друга Синкелла, ибо, как сообщает сам Феофан, труд-то свой он стал писать только по просьбе Синкелла, смерть которого помешала последнему закончить свое произведение.

Принцип писания «Хроники» у Феофана, как и в других хрониках,— хронологический, т. е. события распределяются по годам. Перечень событий для эпохи Юстиниана и позднее вводит в интересующие нас события—столкновения аваров и славян с Восточноримской империей. Многие факты из этой области являются повторением уже известных нам сообщений из Феофилакта или других источников.

Такова общая характеристика ранневизантийских источников, а также Иордана, без данных которого были бы неполны сведения византийских авторов. Что касается сирийских источников, главным образом, историков церкви, а также некоторых указаний о древних славянах у Исидора Севильского,—то сведения этих писателей о древних славянах весьма скромны и отрывочны и иногда даются без прямого упоминания о славянах (Е в а г р и й). В дальнейшем изучении истории древних славян необходимо будет собрать, систематизировать и опубликовать для самого широкого круга историков древности также и данные сирийских источников, как литературные так и эпиграфические.

*

Для того, чтобы хотя бы кратко обзреть показания вышеохарактеризованных писателей V—VI вв., т. е. периода распада Римской империи, передвижения народов, необходимо выделить некоторые вопросы и вокруг них сконцентрировать данные о славянах.

К таким вопросам можно было бы отнести следующие:

1. Арена распространения славян в древности, что удастся установить путем согласования данных ранневизантийских писателей с показаниями античных авторов.

2. История столкновения славянских варваров с Восточноримской империей и значение этого факта для судеб последней.

3. Внутренний строй древних славян и зачатки у них государственности уже в VI в., что важно для установления как деформации строя империи в связи с вторжениями славян, так и образования Киевской Руси в связи с возникновением начал государственности у антов—восточных славян.

Изучение этих вопросов дает нам возможность наметить в общих чертах разрешение проблемы деформации Восточноримской империи и возникновения Византии на новой социально-экономической основе.

При обзоре ранневизантийских данных прежде всего обращает на себя внимание Прокопий.

В «De bello Gothico» Прокопий дает для нас наиболее подробные сведения о древних славянах. Что касается месторасположения славянских племен, то тут Прокопий говорит определенно об их географическом распространении. Он помещает славян к северо-востоку от Дуная, причем, как это видно из самых различных мест третьей части данного произведения, посвященного непосредственно войне римлян с готами и другими народами Восточной Европы, восточная ветвь славянских племен назы-

вается а н т а м и. Интересно замечание Прокопия, что славяне и анты раньше назывались рассеянными, или «спорами». Здесь, повидимому, автор «De bello Gothico» хочет отразить ранние представления греков и римлян о славянских племенах, поскольку последние находились на стадии первобытно-общинного строя и постоянно переходили с места на место, «рассеивались» в связи с перекочевыванием этих мало еще соприкасавшихся с империей славянских номадов. Интересно в этой связи и то, что в греческой традиции «рассеянными» или даже «посеянными» (σπάρτοί) назывались также и обитавшие на севере Греции фракийские племена.

В другом месте Прокопий говорит уже о больших полчищах этих племен, двинувшихся через Дунай, причем он определенно указывает, что славяне и анты (восточные славяне) говорят на одном языке. Обращает особое внимание довольно подробное описание месторасположения восточных славян—антов.

«За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлесия; прибрежную ее часть, равно и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого Меотийского озера и до реки Танаиса, которая впадает в озеро. Само это озеро впадает в Понт Эвксинский. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцы, теперь же—утургуры. Далее на север от них занимают эти земли бесчисленные племена а н т о в. Рядом с теми местами, где начинается устье озера, живут готы, называемые тетракситами» [VIII (IV), 4, 7].

Таким образом, все пространство к северу от Меотийского озера (Азовского моря) и реки Танаиса (Дона) занимали, по Прокопию, племена а н т о в. Эти сведения византийского историка хорошо подтверждаются и свидетельством готского писателя Иордана, который, примерно, в этом же районе помещает склавинов, которые как он замечает, одновременно называются антами.

«Склавины живут от города Новиетуна и озера, которое называется Мурсианским, до Данастра, а на север—до Вистулы. Анты же, храбрейшие из них, живя на загибе Понта, простираются от Данастра до Данапра. Реки эти отстоят друг от друга на много дневных переходов» («Geth.», III, 35).

Иордан данным свидетельством не только подтверждает Прокопия, но также: 1) позволяет установить связь с более ранними, античными писателями, свидетельствующими о «в е н е д а х», которые, по Иордану, суть славяне, 2) более точно устанавливает район движения славянских народов, откуда они шли в связи со столкновением с Римской империей.

Дело в том, что, говоря о славянах, готский историк следующее показывает нам о венедах: «От истоков реки Вистулы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя в е н е д о в. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако, главным образом, они именуются с к л а в и н а м и и а н т а м и» (III, 34). Нет никакого сомнения в том, что венедаы—это древнейшее название славянских племен, и нет сомнения в том, что эти венедаы-славяне обитали в районе от Меотийского озера до Вислы. Тот же Иордан в другом месте указывает, что готам Германариха пришлось выдержать натиск антов именно в районе Меотийского озера. Причем и здесь, во второй раз, отмечается, что племя это называется и в е н е д а м и, и а н т а м и, и с к л а в и н а м и (XXIII, 119—120).

Таким образом, Иордан своими указаниями о венедах бросает мост к более ранним, античным свидетельствам о венедах-славянах, что дает нам возможность еще подробнее установить место обитания их в более ранней древности.

Три писателя времен Раннеримской империи—Плиний Старший, Тацит и Птолемей, упоминая о Сарматии, называют нам племя венедов, или вендов, в которых уже позднеримская античность видела славян.

Впрочем, еще Геродот сообщает нам об ἑνετοί (венеты), доставлявших янтарь с реки Еридана. Возможно, что здесь «енеты» Геродота, и есть венеды вышеназванных авторов, — об этом трудно сказать что-либо категорическое.

Плиний в своей «Naturalis Historia» (IV, 97) о венедах говорит, что живут они, как и сарматы, скифы и скиры, у Вислы («quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris tradunt»).

Тацит в своей «Germania» сообщает о венедах, причем выражает сомнение, причислить ли их к сарматам, ибо с последними венеды сходны по обычаям, или к германцам, так как у венедов имеются также и дома, щиты и пр., что обще также и германцам (Germ., XLVI).

Птолемей в своей «Geographica» (III, о Сарматии) о венедах, как и Плиний и Тацит, пишет, что живут они у Балтийского моря или Венедского залива («κατέχει δὲ τῆν Σαρματίαν ἔθνη μέγιστα ὅφ τε Οὐενέδαι παρ' ἔθρον τὸν Οὐενεδικὸν κόλπον», III, 5, 7).

Все эти данные о венедах, об их местожительстве у истоков Вислы, что это—«многочисленное племя» (ἔθνη μέγιστα), что быт их во многом напоминает сарматский,—говорят достаточно сами за себя. Иордан, развивая далее эти сведения, указывает более подробно, на какой обширной территории обитали эти племена венедов, называвшихся потом антами и славянами.

Перейдем к другому вопросу. Проследим теперь, какова была историческая роль народов Восточной Европы, главным образом, славян в судьбе Римской империи. Как римляне узнали об этих народах или, лучше сказать, какие исторические обстоятельства познакомили римлян с силой сопротивления этих народов? Для этого нам придется проследить кратко историю славянских военных походов в борьбе с Римской империей, ибо римляне о славянах узнали в результате своей политики экспансии, которой противостоял на Востоке варварский мир славян так же, как и галлы, германцы—на Западе.

Историю борьбы славян с рабовладельческими завоевателями Рима следует разделить на два периода.

Первый период: когда славяне в коалиции с другими варварами—сарматами, скифами, готами, аварами—нападают на империю. Здесь еще славяне не фигурируют под своим собственным именем.

Первые столкновения Рима с народами Дунайского бассейна и Причерноморья относятся почти к началу империи. В I и II вв. н. э. римляне свидетельствуют о народе, жившем между Доном и Днепром, по Страбону,—роксалапах, воинственность которых подчеркивается у Плиния Старшего, особенно у Тацита, а позднее у Спартиана и Капитолина (Scr. Hist. Aug.). А в одной надгробной надписи говорится о возвращении князьям роксаланов их сыновей, которые были римлянами взяты в качестве заложников. Имея прекрасную конницу, роксалапы вторглись в 69 г., как об этом сообщает Тацит (Hist., I), в Мезию. Известно, какое сопротивление пришлось выдержать Траяну при завоевании Дакии

со стороны даков и роксаланов. Птолемей и Дион Кассий, Спартиан и Капитолин сообщают нам ряд любопытных сведений об упорной борьбе роксаланов с римским владычеством. Известно, например, также и то, что Адриан (по Спартиану) должен был заключить договор с князем роксаланов (повидимому, с Распарасаном, упоминаемым в латинской надписи того времени), причем Адриану приходилось выплачивать роксаланам суммы, в качестве дани, в соответствии с заключенным договором. Можно предполагать, что на этом этапе борьбы с Римом народы Дунайско-Причерноморского бассейна возглавлялись роксаланами. Еще Аврелиану (270—275 гг.) приходилось бороться с этим народом и в триумфе Аврелиана в числе других участвовали и пленники-роксаланы со связанными руками (по Треб. Поллиону). Однако в III в., наряду с роксаланами, становится известным по своей военной отваге и упорному сопротивлению римским завоеваниям еще и другой народ—сарматы. Покорение сарматов ставил своей задачей Максимин (235—237 гг.) и за борьбу с ними он, как известно, получил титул «Sarmaticus», каковой раньше еще носил Коммод, поскольку предшественнику последнего, М. Аврелию, удалось в одном сражении победить сарматов. В правление Диоклетиана (284—305 гг.) сарматы выступали в союзе с боспорским царем Савроматом V, причем в этот период перед лицом Рима создавалась и росла уже коалиция народов Восточной Европы. Тут были и сарматы, и аланы, и готы, которые, объединившись, гонят в 288 г. войско посланного Диоклетианом Констанция до самых стен Византия (Константинополя). В 318 г. при Константине Риме вновь пришлось бороться с народами Дунайско-Причерноморского бассейна, героически отстаивавшими свою независимость. Известно, что в 320 г. Константин должен был уже приступить к сооружениям укреплений вдоль всей линии дунайской границы на Востоке.

Мы потому остановились на этом этапе борьбы с Римом, что роксаланы и сарматы, с которыми римлянам пришлось столкнуться, упоминаются Плинием Старшим, Тацитом, Птолемеем и Иорданом рядом с венедами, а у последнего—с антами, т. е. рядом со славянскими племенами. Трудно допустить, чтобы славяне-венеды или славяне-анты в период этой героической эпопеи борьбы народов Восточной Европы с Римом стояли где-то в стороне. Совершенно естественным является допущение, что славянские племена вместе с роксаланами и сарматами выступали против римских завоевателей. Нам остается это подтвердить некоторыми скудными данными, которыми на этот счет мы располагаем.

Юлий Капитолин при описании жизни Максимиана говорит, что последний совершил вторжение не только в область Карпатских гор, но и Балтийского моря (*ad Oceanum septentrionales partes*). А так как еще из известий Плиния, Тацита и Птолемея нам хорошо известно, что здесь жило бесчисленное племя венедов (*ἔθνη μέγιστα*), то было бы странно утверждать, что борьба Максимиана здесь ограничивалась только борьбой с сарматами, как это можно было бы утверждать, исходя лишь из титулатуры «Sarmaticus». Что с венедами Максимиану пришлось, несомненно, сталкиваться, об этом говорят монеты с титулатурой императора Волюсиана спустя каких-нибудь 13—15 лет после Максимиана. До нас дошли две монеты или медали, посвященные Волюсиану, одна греческая, другая латинская, причем обе с титулом императора «Венедского» (*Οὐένδικος Οὐολυσιανός*, или «Vendico Volusiano Augusto»). Следовательно, уже в половине III в. тщеславие римских императоров понуждало их называть себя

победителями народа, отважное сопротивление которого не давало покоя им в течение долгого времени.

Славяне-венеды выступают затем в IV в. у Иордана при обзоре последним событий, связанных с борьбой Валента с готами, а также борьбы царства Германариха со славянами-антами.

После убийства Германариха роксаланами вступивший на готский престол сын его Венитар напал, по сообщению Иордана, на антов. Сначала он потерпел поражение, но потом одержал победу, захватил князя славян Божа с его сыновьями и 70 его старейшинами и расправился с ними. Дальнейший ход событий был таков: вождь гуннов Баламбер, очевидно, совместно с окружавшими его племенами славян (антов), которые жаждали отомстить Венитару, двинулись на последнего, разгромили все царство готов, при этом погиб и Венитар. Под напором гуннов и славян готы двинулись к Дунаю, что и привело в 376 г. к столкновению их с Валентом.

Дальнейшие события прекрасно описаны у Дексиппа, Аммиана Марцеллина, Евнапия и Евагрия, причем у последних народы Дуная и Причерноморья фигурируют под собирательным именем скифов, вторгнувшихся в Македонию, достигавших стен Константинополя и наводивших ужас на римлян. Фигурирующие у Евнапия славянские по происхождению имена Анагаста и Аврогаста указывают на наличие славянских племен в скифских походах против Рима IV и V вв.

Таковы кратко данные первого периода борьбы славян и смешанных с ними племен против римского владычества.

Второй период борьбы с Римской империей на Востоке относится уже к VI—VII вв., когда Западная империя уже пала и на Востоке ее судьбы решают славянские вторжения. Этот период прекрасно представлен сообщениями ранневизантийских писателей от Прокопия до Феофана. Изучение свидетельств VI—VII вв. о столкновении варварского мира славян с остатками Римской империи на Востоке показывает все значение этого факта для судеб империи.

Со вступления на престол Юстиниана (527 г.) начинаются вторжения аваров и славян через Дунай на Балканский полуостров. Юстиниан вынужден был принять серьезные меры: «От начала царствования и до настоящего времени,—писал Прокопий,—он не переставал заниматься сооружениями и для защиты своего государства он умножил основание городов и повсюду возобновил укрепление поселений». «Для того, чтобы остановить движение варваров,—говорил сам Юстиниан,—нужно сопротивление, и притом серьезное» (Nov., 26, 1; P r o k o п и й—Война с готами, 1, 27), а также на Востоке, у полководца Туллиана (III, 22), а затем славяне приняли участие в борьбе между гепидами и лангобардами (III, 35).

В следующем виде рисуются приблизительные хронологические этапы продвижения славян в пределы Восточноримской империи.

Около 540 г., разоряя страну, славяне разрушили Кассандрию, проникли до Геллеспонта и Фермопил и едва были задержаны у Коринфского перешейка. К этому году и позднее относится и проникновение славян в Италию, где силы их были использованы против готов в войсках Мартина и Валериана на Западе (P r o k o п и й—Война с готами, 1, 27), а также на Востоке, у полководца Туллиана (III, 22), а затем славяне приняли участие в борьбе между гепидами и лангобардами (III, 35).

Около 550—551 гг. славяне вновь переходят Дунай без сопротивления, занимают ряд городов, вторгаются во Фракию, причем уничтожают римского полководца Асвада, ранее бывшего телохранителем императора

Юстиниана. Результатом этого был захват города Топера (Родопская область), порабощение населения его, дальнейшее продвижение славян к Солуню (Goth, III, 38; De Aed., IV, 11). При такой ситуации король готский Тотила старался войти в соглашение со славянами, чтобы, заинтересовав последних походом на Грецию, развязать себе руки в Италии.

Юстиниан не мог спокойно наблюдать за этими событиями. Пользуясь тем, что после вторжений и захвата богатств славяне часто возвращались с добычей и порабощенными опять к себе, Юстиниан стал вновь сооружать укрепления. Кроме того, он пустился и на дипломатические хитрости: заключал договоры со славянами и аварами, создавал военные поселения на охрану границы по линии Дуная из гепидов, аваров, славян. К концу 50-х годов относятся и столкновения славян (антов) с аварами, которые пользовались неудачными иногда походами славян и при поддержке римлян разоряли славянские (антские) земли.

В 560-е годы объединения варваров, из которых наиболее активную политику ведут авары, систематически вторгаются в Восточноримскую империю, которая переживает такую же агонию борьбы, какую Западная пережила в V в. На всем протяжении этого десятилетия происходит глухая борьба на Дунае и в то же время борьба с персами на Востоке.

В середине 70-х годов ситуация для империи становилась столь сложной, что Юстин вынужден был заключить мир с персами. «Славяне в это время,—пишет Иоанн Эфесский,—были господами страны и жили в ней свободно, как в собственной. Благодаря этому они могли делать в стране, что им угодно, и были ограничены лишь божьей волей. И до сих пор они преспокойно живут в римских провинциях без заботы и страха, грабя и убивая, сожигая; они разбогатели, имеют золото и серебро, стада коней и много оружия и изучили военное дело лучше ромейцев». В это именно время сотысячный отряд славян, разделенный на четыре колонны, прошел по всей Фракии, до Фракийского Херсонеса и до линии стен Анастасия.

В правление Тиверия (578—582 гг.), около 582 г. принимаются новые меры против славян. Не имея своих собственных сил, Тиверий заключает союз с аварами, отдает им город Сирмиум и совместными усилиями нападает на славян.

Около 584 г. против постоянно беспокоившего врага был направлен полководец Коментиол, которому удалось отеснить славян за Балканы, в честь чего полководец получил от императора титул «стратига».

В эпоху императора Маврикия (582—602 гг.) кончается союз аваров с греками, и славяне совместно с аварами снова беспокоят империю, которая окончательно теряет способность сопротивления.

В 586—587 гг. аваро-славянские дружины завоевывают крепости в Нижней Мезии (от Рациарии до Маркианополя) и подходят к Андрианополю. Тогда Маврикий собирает все свои объединенные силы против врага, и в результате операций полководца Приска наступает некоторое улучшение положения для империи. В 594 г. снаряжаются походы Петра (брата Маврикия), а затем вновь походы Приска в 598 г. явились последними попытками спасения империи. В 600 г. славяне опять достигают стен Анастасия под Константинополем, и только разразившаяся чума заставляет варваров заключить мир с Маврикием. Несмотря на успехи империи в борьбе со вторжениями со стороны дунайской границы, закрепить эти успехи не удавалось. Опора империи в лице армии, местное крестьянское население больше не было в состоянии выдерживать натиск славян.

Крестьянство в это время находилось в состоянии брожения, выражало недовольство, а иногда поднималось на открытые восстания.

В 601—602 гг. Маврикий писал своему брату Петру, чтобы он готовился к последней, решительной схватке со славянами, причем было дано указание, чтобы он встал на зимовку. Воины, повидимому, были в крайне усталом состоянии, при отсутствии достаточного провианта, и начали уже сами без приказа своих командиров совершать набеги с целью получить добычу. Когда же вторично было получено распоряжение императора Маврикия начать наступление в славянские земли и там уже снабдить войска съестными припасами, войска окончательно отказались подчиняться Петру и вообще своим командирам. Началось открытое восстание под руководством солдата Фоки в 602 г., который вместе с варварами, войсками и при поддержке населения империи двинулся на Константинополь, сверг Маврикия и казнил его.

Восстание Фоки явилось заключительным этапом в судьбе Римской империи на Востоке. Оно характеризует поворотный момент не только во внешней, но и во внутренней политике.

В эпоху Фоки нет указаний на вторжения антов, на беспокойства империи на Востоке. Повидимому, славянские племена соединились и окончательно расселились вместе с греками на всей территории Балканского полуострова. Во всяком случае с аварами был заключен мир. То же, можно предполагать, было сделано с антами, поскольку в то время последние выступали с аварами совместно. С другой стороны, внутренняя политика Фоки изменила положение и туземного населения, главным образом, крестьянства, которое здесь, на Востоке, в основе теперь является славянским и, следовательно, опирающимся в экономической своей деятельности на сельскохозяйственную общину, на общинные, изменявшие систему рабства, отношения. Наметившийся процесс феодализации еще в эпоху Юстиниана получает толчок к развитию, а впоследствии и юридическому оформлению этих отношений в известном «*Nomos georgikos*». Изучение внешних отношений не может быть отделено от исследования явлений внутренней социальной жизни Империи, ибо только переплетение и внешних и внутренних событий и может объяснить нам такие факты, как восстание Фоки и гражданских войн в его эпоху. Любопытно, что Прокопий, описывая историю войн с персами, вандалами и готами, должен был часто давать сведения и по внутреннему состоянию империи. В своей «Тайной истории» Прокопий, в частности, останавливается на безысходном положении крестьянства, стонавшего под тяжестью «эпиболе» и «диаграфе» (XXIII, 15—21), различных новых налоговых обложений и старых недоимок, которые накапливались за весьма «продолжительный срок» (XXIII, 4—6). Именно такое положение крестьянства поднимало его на восстания, которые, по свидетельству Прокопия, являлись столь кровавыми эпизодами классовой борьбы, что во время их происходило «избиение людей ничуть не меньше, чем на войне» (XVII, 32).

Картина внутреннего социального положения в Восточноримской империи во многом напоминает нам положение Западной империи перед ее гибелью. Известно, что в последней, по свидетельству Сальвиана Марсельского, колонны, крестьяне, рабы, просто римские граждане бросали свои насиженные места и убегали к варварам, у которых было лучше, чем на родине. Более того, угнетенные вместе с варварами двигались на Рим, против рабовладельческой системы эксплуатации.

Такая же картина наблюдается и в Восточноримской империи. Народ стонал под тяжестью юстиниановских поборов. «Поэтому,—говорит Прокопий,—народ большими толпами убежал не только к варварам, но и к римлянам, живущим далеко за римскими пределами, и в каждой области, в каждом городе можно было видеть все большее и большее количество иноземцев. Чтобы только скрыться от родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто бы их родина была захвачена врагами» (XI, 38—39).

Такими мрачными красками рисует Прокопий положение в империи, когда, с одной стороны, народ стонал от постоянных походов на варваров (славян), а с другой стороны—от внутреннего пресса рабовладельческой эксплуатации.

Естественно, что угнетенным ничего не оставалось, как объединиться с варварами и поднять восстание против поработителей.

Изучение восстания Фоки представляет с этой точки зрения безусловный интерес для уяснения процесса, который начался задолго до выступления Фоки и выражался в деформации социально-экономического строя Империи. Самая история внешних событий, славянских вторжений в империю в известной степени уже отражала этот процесс гибели рабовладельческой империи и возникновения Византии на иной основе.

Последний вопрос, который ставится известиями ранневизантийских писателей о древних славянах, это—вопрос об их социально-политическом строе. Следует в этой связи прежде всего отметить, что при разрешении этой важной проблемы мы наталкиваемся на недостаточность на этот счет известий VI—VII вв.

Главнейшие, хотя и незначительные по объему сведения дает Прокопий. В третьей книге своей «*De bello Gothico*» он сообщает следующие данные. Славяне и анты (восточные славяне) не имели единодержавной власти, т. е. они имели общенародное правление, народные собрания, на которых, как греки эпохи базилиевсов, совещались по всем, в особенности военным, вопросам. Военный строй, повидимому, они постоянно совершенствовали, и, как мы знаем из различных сообщений, славяне позднее стали даже пользоваться стенобитными машинами и прочими осадными приспособлениями, что заставляло, например, Иоанна Эфесского признать, что военное искусство у славян стояло не ниже, чем у ромеев. В начале же, по Прокопию, славяне в бой ходили пешими, вооружены были щитами и дротиками. Далее Прокопий отмечает, что жили они в хижинах, разбросанных по ту сторону Дуная. Маврикий к сообщению о жилищах антов добавляет следующую деталь, что жилища эти строились ими, во-первых, в районе леса, болот, рек и стоячих озер, а, во-вторых, со многими выходами, чтобы в случае опасности можно было быстро выйти из жилищ запасными ходами.

О быте древних славян Прокопий говорит столь же лаконично. Так, о питании автор «*De bello Gothico*» свидетельствует, что питались славяне сухой и простой пищей и по быту своему во многом напоминали массагетов. Все установления славян исходили из их старинных законов. Так, они издавна приносили в жертву волов или других животных, что, между прочим, свидетельствует о наличии у них скотоводства и земледелия в очень раннюю пору. Ниже мы укажем на подтверждения этого положения в ряде других источников. У антов был один бог, но наряду с ним существовали еще духи рек (демоны—по Прокопию) и другие мелкие божества, причем всем им приносились жертвы, в особенности при гадании о будущем.

Прокопий отмечает общность языка славян и антов, а Маврикий говорит и об одинаковых нравах и обычаях, об общей их любви к свободе, что заставляет их не поддаваться порабощению и иноземному господству.

Хозяйственной основой их деятельности были, повидимому, земледелие и скотоводство. Маврикий прямо указывает на наличие у славян многочисленных стад скота и большого количества произведений земли— «в особенности ячменя и проса». Это подтверждается также и Менандром Протиктором, сообщающим нам на этот счет весьма важные сведения. Так, например, прямо указывается на то, что авары при вторжении в славянские области принимались грабить и опустошать их земли. В другом месте Менандр специально останавливается на том, как авары опустошали поля и сжигали селения славян. Наконец, указывается и на то, что в представлениях того времени и у аваров и у римлян славянские земли славились своим богатством, ибо «они никогда не опустошались каким-либо другим народом». Подтверждения о наличии земледельческой деятельности у славян VI в. мы имеем также и у Феофилакта Симокатта, который оставил нам свои замечания о стране славянского князя Ардагаста и его подданных. При поражении Ардагаста греки принялись, как сообщает Феофилакт, опустошать земли в стране этого славянского князя. Все эти прямые и косвенные свидетельства говорят нам о наличии определенной земледельческой культуры у древних славян в VI—VII вв. Таким образом, наши источники о быте славян этого периода находятся в соответствии друг с другом и вместе они соответствуют тем памятникам материальной культуры, которые доставляет нам археологическая наука. Других источников по этому вопросу в исторической науке нет, поэтому вышеназванные данные должны оставаться до сих пор отправным пунктом наших разысканий по этому вопросу.

Что касается социального строя, то, повидимому, древние славяне находились на стадии военной демократии. Об этом лучше всего свидетельствуют данные о славянских князьях этого периода. Так, Прокопий сообщает нам о славянском вожде Андрагасте; Феофилакт—о другом князе Ардагасте, который управлял целой страной; далее, он называет нам славянского вождя Пирогаста; о другом вожде, Мусокии, Феофилакт даже прибавляет, что этот вождь титуловался царем (в греческом тексте употребляется латинский титул: rex). Менандр перечисляет славянские имена князей и должностных лиц: Даврита (князя), Мизамира (посла), Келагаста (его брата). Феофан, а также Анастасий сообщают нам о славянском князе Акамире.

Любопытно, что лиц со славянскими именами мы встречаем на службе Юстиниана и далеко за пределами славянских земель. Известно, что у Юстиниана при дворе находились видные славяне, главным образом, на военной службе. Так, Доброгаст командовал флотом, Оногаст дослужился до титула патриция, а Унигаст становится даже телохранителем Велизария. Менандр сообщает нам об Анангасте, который одно время был послом у турок, очевидно со стороны Восточноримской империи (в период Тиверия). Полководцы Радагаст и Невиогаст упоминаются у Олимпиодора, у Орозия, Зосима и др.

Все эти свидетельства говорят о том, что в результате социальной эволюции древние славяне уже вступили давно на ступень того строя, который у Энгельса называется военной демократией. Первобытно-общинный строй становился для славян пройденным этапом, и они теперь подходили к истокам своей государственности. В известной степени мы можем

констатировать у древних славян уже и наличие рабства. Военные походы славян сопровождаются, как это показывают ранневизантийские тексты, захватом в плен и порабощением большого количества населения. К этому, однако, следует заметить, что все порабощаемые могли выкупиться из плена через определенный срок, причем после выкупа рабы, получив свободу, выбирали—отправиться ли им обратно на родину, или остаться у славян в качестве «свободных друзей» (М а в р и к и й).

Эти свидетельства не оставляют никакого сомнения в том, что процесс развития рабства, классовообразования и складывания государства у древних славян в это время стал уже проходить интенсивно и, возможно, это обстоятельство и было причиной столкновения славянских общин сначала с аварами, потом с Восточноримской империей. Старые рамки первобытно-общинного строя были перейдены, и теперь приобретение богатств, жажда накопления путем открытого грабежа и порабощения населения в тех исторических условиях должны были бы толкать общество к новой, рабовладельческой фазе развития. Это по необходимости должно было привести и к грандиозному столкновению славянских племен с Восточноримской империей, в результате чего произошла окончательная деформация не только рабовладельческого строя империи, но и постепенная деформация общинного строя у самих древних славян, которые противостояли Римской империи так же, как новая феодальная система отношений противостояла рабовладельческому строю. Если рабство у древних славян не получило широкого развития, то это как раз произошло в связи со столкновением славян с рабовладельческой империей на Востоке. Дальнейшая социально-экономическая эволюция империи, как известно, пошла по линии исторического синтеза: древние славяне, благодаря империи, миновали рабовладельческий строй в своем развитии, ибо в империи он уже становился пройденным этапом, а население империи, благодаря славянам, их общинному строю, вступило на путь феодального развития более ускоренным темпом. Недоразвитость общественного строя древних славян для перехода к феодализму долго еще держала их в условиях отношений так называемого дофеодального периода, особенно у восточных славян. И наоборот, зрелые вполне отношения империи для перехода к феодализму получили еще новый толчок в лице славянской общины, сыгравшей здесь, на востоке империи, роль германской марки на западе. В этом—историческая роль древних славян, их вторжений для судьбы империи на Востоке.

В изучении судьбы Восточноримской империи, распада античной цивилизации и образования Византии древние славяне наряду с другими народами Восточной Европы должны привлекать внимание одинаково историка античности и раннего средневековья и древнего периода истории СССР.

Здесь должно быть достигнуто полное *concordia ordinum*, совместная работа историков разных специальностей, ибо изучение роли древних славян подводит нас к последним, как к могучему фактору эволюции Восточноримской империи и образования Византии, так же как последняя, в свою очередь, явилась историческим фактором для передачи славянам положительного наследства античной цивилизации.

Если, по выражению Энгельса, культурная полоса античности была «разорвана и смята немцами и славянами» (Соч., т. XIV, стр. 440), то это должно быть понято в том смысле, что благодаря варварскому строю этих народов удалось «оживить Европу», обеспечить переход от рабо-

владельческого способа производства к феодализму. Это—первая проблема, которую должны исследовать историки-марксисты.

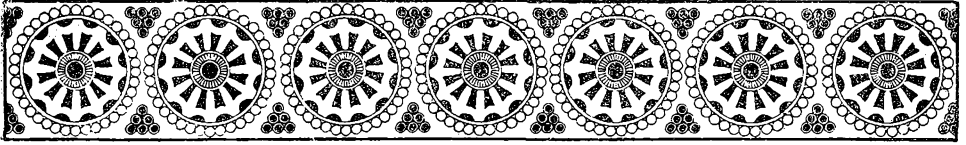
В отношении движения народов в пределы Римской империи Энгельс говорил, что если в 568 г. эти движения прекратились, то тут «речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении» (Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 344). Изучение этих движений и их роли в социальной эволюции—вторая проблема для историков-марксистов.

Исследование этих проблем приводит нас неизбежно и к третьей проблеме. Дело в том, что, изучая эти движения славян и других народов Восточной Европы, мы должны не только умножать познания о всех этих народах, как древних народах нашей страны, но одновременно должны понять и образовавшуюся в результате распада империи на Востоке культуру Византии, «как западную цивилизацию,—по выражению Маркса,—весьма амальгамированную восточным варварством, или восточное варварство, весьма амальгамированное западной цивилизацией».

Если, таким образом, учесть образование Византии, как такого политического тела, которое возникло из исторического синтеза варварского мира славянства и Римской империи на Востоке, а культуру Византии, как исторический синтез античной цивилизации и славянской самобытной культуры,—то значение ее для марксистской исторической науки не требует особой аргументации:

Если для такого исследования намеченных выше трех проблем привлечь не только византийские сведения, но и ранние сирийские источники, юридические и эпиграфические памятники, то это будет вполне достаточным материалом, чтобы конкретно, в деталях, разрешить ту общую проблему, постановке которой была посвящена настоящая статья.

Б. Т. ГОРЯНОВ

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ VI в. И ИХ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Фашистские псевдо-историки Германии, работающие по заданию Геббельса в стране, где разрушаются добытые на протяжении многих веков результаты науки и плоды цивилизации, где сжигаются лучшие произведения величайших мыслителей—революционеров всех эпох, стран и народов, пролили немало чернил, чтобы доказать исключительную роль древних германцев в истории Западной Европы после распада Рима. Марксистская наука давно установила причины гибели Рима в результате революции рабов и колонов и процесс феодализации Европы в связи с вторжением варваров (германцев, кельтов, славян).

Омолодили Римскую империю варвары. Напрасно лже-историки, по заказу Гитлера и Геббельса, пытаются присвоить германцам чудодейственную силу, основанную якобы на специфических расовых качествах германцев. Энгельс указывает, что «омолодили Европу не их (германцев.—Б. Г) специфические национальные особенности, а просто... их варварство, их родовой строй»¹.

Среди произведений Маркса и Энгельса рассыпано много высказываний о роли других варварских народов в процессе формирования феодализма. Известно, что галлы первыми поднялись против Рима (восстание багаудов), создали государственность и культуру французского народа. Никто не отрицает роли кельтов в процессе формирования феодализма Англии, Шотландии, Ирландии, их влияние на страны Восточной Европы, через которые, как это устанавливают археологические исследования, проходил их исторический путь.

Перед самой передовой в мире советской исторической наукой поставлена исключительно важная задача—исследование роли славян в процессе формирования общественного строя Восточноримской империи. Товарищ Сталин на XVII съезде ВКП(б) дал советским историкам, работающим по вопросам генезиса феодализма, ценнейшие указания:

«Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»².

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 132.

² И. Сталин—Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б).